

Мальчик с коротким ёжиком белых волос и необыкновенными переливающимися глазами, в которых можно было рассмотреть ясные небеса, с невыразительным безэмоциональным лицом рассматривал собственную ладонь. Она была немного распорота в области рядом с большим пальцем, по своей невнимательности ребёнок споткнулся и неудачно задел край железной части скамьи. Рядом с ним находилась женщина, на её лице отразилось всё, что только могло быть связано с волнением и ужасом. Будто упала и треснула её любимая ваза. Это была родная мать Годжо Сатору.

— Боже, юный господин, как же вы так?! — Она нервно лопотала, из её глаз, казалось, вот-вот польются слёзы горечи и страха. — Что же делать? Что же делать?

Пустяк, а не рана. Запасы проклятой энергии у его матери были хорошими; не великими, но и не малыми. Даже так эта женщина была далека своим мировосприятием от реальности шаманов, потому как родилась в обычной семье и влилась в новый мир лишь недавно. Проклинатели намного живучей и выносливей обыкновенных людей даже без учёта проклятой силы, поэтому подобная ранка должна будет восстановиться в течение, предельно, недели. Если же будет оказана первая помощь, то времени уйдёт и того меньше.

Шестиглазый своим внимательным и очень пронзительным взглядом осмотрел что-то бормочущую и лопочущую на грани слуха женщину. Слабая духом, хрупкая телом... Чем она могла приглануться его отцу? Он и сам говорил своему сыну, чтобы тот ни в коем случае не брал с неё пример, но взаимодействовать и общаться с ней не запрещал. Он вообще многое позволял этому ребёнку. Дитя, которое будто было послано клану Годжо самими Небесами, обладающее сразу двумя экземплярами шести глаз... Лишь второй такой за всю историю и единственный, кто в нынешнюю эру сможет вознести свой клан на небывалые высоты — разве можно было ему отказывать в таких банальностях?

— Почему ты так разговариваешь со мной? — Высокий голос мальчика звучал спокойно, но чётко и ясно, он явно привык озвучивать свои мысли и желания громко.

— А? — От неожиданности женщина вздрогнула, её по-прежнему напуганные глаза расширились ещё сильнее, и лицо родительницы шестиглазого исказилось в непонимании. — О-о чём это вы?

Её голос дрожал. Мать дрожала перед собственным ребёнком, трепеща перед ним — что за бред? Почти все его сверстники говорили о своих мамах, как о самых добрых, нежных, приятных и милых женщинах в их жизни. По своей прихоти он поступил в элитную школу, пусть ему и предлагали получить лучшее образование на дому. Индивидуальный подход к каждому ребёнку по отдельности, внимательность к разным характерам детей, профессиональные преподаватели и интересные обучающие игры — в месте, куда поступил Годжо Сатору, было всё. Он никогда не знал бедности и чего-то обычного, имея и получая лишь всё самое лучшее. В него вкладывались по полной, не жалея никаких средств.

Пока в одной из таких игр-конкурсов без явных победителей дети рассказывали о тех, кто подарил им жизнь, с любовью и привязанностью, что мог сказать он? Сатору рассказал, что отец очень дорожит им и заботиться о нём, что его мама постоянно крутится вокруг него, сдувая с него каждую пылинку... И всё. Больше ему было нечего сказать о своих родителях. У них совсем не было общих моментов сакральной близости, какая возможна только между родителями и ребёнком. Тогда краткость мальчика была воспринята ведущим игры чем-то странным, но приемлемым, и он даже внимание на этот заострять не стал.

Вспоминая ту страсть, с которой детишки рассказывали о своих папах и мамах, у шестиглазого возникал только один вопрос — почему в его жизни такого нет? Делало ли это его странным? Или это всего лишь очередная грань его уникальности и гениальности, которую просто следовало принять? Но даже сейчас... Почему его мать общалась с ним так, как слуга? Отец был прост, Сатору из его уст никогда не слышал раболепств или чрезмерного уважения к себе. Так почему эта женщина совсем не делала так же, как он? Столь ли далёк мир шаманов от мира обычных людей, что даже его матушка, пришедшая в первую реальность из второй, питала к собственному сыну подобное почтение?

Этому её приучили... В клане?

— Почему ты говоришь со мной так? — Впервые на лице ребёнка отразилась какая-то эмоция и это была хмурость.

— Простите! — Робкая женщина тут же повинулась, опустив свою голову, полагая, что её в чём-то обвиняют.

Впрочем, глаза молодой матери всё равно устремились к ране на руке её сына. Она явно всё ещё переживала об этом больше, чем об «обвинении».

Не запуганная, но будто перевоспитанная новыми обстоятельствами. Так унижительно повинулась перед собственным сыном, будто это не она дала ему жизнь, а являлась всего лишь его ничтожной слугой.

Возможно, именно в тот момент в сердце Годжо Сатору были посеяны семена, из которых позже прорастут невероятно дурной характер и стремление к свободе. Желание всё изменить и переделать... Чтобы шаманы и люди смогли понять друг друга лучше, требовалось перестроить всю систему с первого же кирпичика. Но стоило ли это того? Разве кто-то от него требовал что-то подобное? Следя за каждым движением своей матери, которая могла вызывать лишь жалость, ребёнок не мог найти ответы на все эти вопросы.

«Привет, Сатору. — Скользя спокойным и сосредоточенным взглядом по чернилам, зеленоглазый и сам не заметил, как сжал лист бумаги слегка сильнее необходимого. — Наверное, в этом послании я должна была оставить тебе какое-то напутствие? Не знаю. Прости, что не предупредила и сорвалась так спонтанно, но об этом не хочется говорить, если честно. Оставляю всё на тебя! Работай усердно, чтобы без проблем оплачивать учёбу в академии! Продолжай трудиться и упорствовать, тогда судьба будет тебе благоволить, но не переусердствуй, а то можно перегореть! И, пожалуйста, навещай и приводи в порядок место захоронения Такуи, ладно? Раз в месяц, о большем просить не буду. И да, ресторанчик я переоформила на моего надёжного друга, если больше мы не увидимся, то к твоему четырнадцатилетию он передаст право собственности забегаловкой тебе. Удачи! П. С.: Вот описание техники, которая очень поможет тебе в работе, её название — техника теневого клонирования...»

Взгляд мальчика быстро проскользнул по краткому, но выверенно точному и понятному описанию очередной техники шиноби. Мимо его внимания не прошло и предупреждение о том, чтобы первое время он создавал только одного клона. Для техники можно было произвольно выбрать печать тигра, либо лошади.

Закончив прочтение небольшой записки, которую дородная женщина оставила на запомнившемся ему столе, Годжо Сатору сглотнул скопившуюся слюну и положил её обратно на стол. Бывший шаман присел на стул и облокотился щекой на кулак, вперив взгляд в столешницу. Тихо. В доме никого, кроме него, больше не было, потому что единственная владелица этого жилища, пристроенного к ресторанчику со сладостями, ушла на войну. Как и говорила.

Пожалуй, паренёк был растерян, нежели расстроен. Он не ожидал, что это произойдёт так быстро и внезапно, хоть и прекрасно помнил обмолвку Канны о том, что её заведение вскоре должно было закрыться. Тогда она дала очень простой ответ: «Ниндзя-медик я». Сатору его запомнил и сделал закономерные выводы, но он полагал, что его по крайней мере предупредят.

«Возможно, что-то заставило её отправиться на фронт столь скоро? Может, дурные вести... Неважно. — Настроение у него испортилось, а оно было очень даже хорошим, когда он возвращался из академии домой. — Чёрт возьми».

Внимательным взором Годжо оглядел всё то, что досталось ему в фактическое пользование, при этом с задумчивостью почёсывая подбородок. Выглядело так себе. Как он вообще должен управиться со всем этим? Разве что с той техникой теневого клонирования, которую ему оставила крайне предусмотрительная женщина. Но сегодня об этом помышлять уже и не стоило. К его приходу табличка с надписями «открыто» и «закрыто» на разных её сторонах уже была обозрима проходящим мимо людям со второй. Дверь же осталась открыта, именно так Сатору и вошёл внутрь.

Симидзу Канна оставила для него на кухне готовое клейкое тесто, предназначенное для булочек-моти. Товар ходовой, но так как работников было не так уж и много, всего лишь двое, да и амбиции на расширение бизнеса у владелицы, как и у самого Сатору Годжо в том числе, отсутствовали в принципе, то обычно на день хватало десятилитрового таза теста, не считая начинки и прочих ингредиентов. Вернее, не хватало — вся продукция уходила, максимум, за пять часов, а затем магазинчик закрывался до следующего дня.

Предельный срок хранения клейкого теста в имеющихся условиях составлял двое суток, и на кухне мальчика ожидали два полных таза, которые заранее для него заготовила женщина.

«Сегодня открываться уж точно не буду, зато послезавтра придётся поднажать, а иначе столько продуктов просто так уйдёт за зря... — С горечью Сатору почесал в затылке. — М-да».

Озабоченного новыми делами зеленоглазого от резких перемен отвлёк внезапный посетитель.

— Привет, Сатору! — Позитивное приветствие раздалось от голубоглазого блондина с приятной улыбкой.

Жёлтая Молния Конохи позволил себе слегка наклониться через прилавок, чтобы разглядеть названного мальчишку. Тот обернулся, посмотрел на гостя с секундным удивлением, а затем и сам заулыбался в ответ — настроение вновь поднялось. Долго грустить Годжо Сатору не умел и не желал. В жизни и так происходило слишком много всякого дерьма, так что погружаться в него было явно лишним.

Соломенноволосый подорвался к прилавку и вскинул руку, трясая ей в приветствии.

— Здравствуйте! — С задором ответил Сатору.

Заметив отсутствие мизинца на этой конечности, Минато Намикадзе нахмурился, тут же задав закономерный вопрос:

— Как ты потерял свой палец? — Он явно не мог предположить что-то конкретное, причин могло быть много.

— А, это? — Невыразительно хмыкнув и безразлично пожав плечами, бывший шаман ответил совершенно по-простецки: — Долго объяснять, спросите у вашей жены, она обо всём знает.

— У Кушины? — В голове блондина появилась дурная догадка, в которую поверить было едва ли возможно, но не уточнить он не мог. — Это же... Не она сделала?

Хоть он даже и представить себе не мог, чтобы его любимая Кушина применила к ребёнку насилие большее обыкновенной воспитательной затрецины, но в жизни случалось всякое. В своё время Кровавая Хабанеро прославилась именно собственной скоростью на расправу с обидчиками. Те самые обидчики, разумеется, остались живы, но рёбра и прочие кости некоторым из них тогда ещё девочка всё-таки поломала...

— Не, ваша жена тут не причём. — По-прежнему сохраняя радушную невозмутимость, опроверг подозрения мужчины Сатору. — Она добрейший человек! Помогла мне с вот этим.

Он помахал кистью, на которой не было пальца, ясно показывая, о каком роде помощи шла речь. Звучало странно, но главный посыл Минато помнил — никому пальцы насильно не отрывали. Не будет же человек настолько доброжелателен после подобного изуверства над ним?

— Эм... — Жёлтая Молния Конохи всё-таки успокоился, но на его лице отразилась неловкость, и его рука тут же устремилась к затылку. — Ты уж извини, я хотел узнать про академию.

— Сейчас, подождите! — Широко и многообещающе ухмыльнувшись, бывший шаман бросился вглубь помещения. — Сделаю вам парочку булочек, пока буду рассказывать.

Наблюдая за активным ребёнком, Намикадзе и сам ощутил, как его настроение поднимается после законченной полевой миссии.